

Происхожденіе раскола.

Предашь былъ русскій народъ вѣрѣ православной. Прежде, во времена стародавнія, онъ съ любовью воспѣвалъ богатырей русской земли: Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича и другихъ, а послѣ принятія христіанства читалъ и бесѣдовалъ преимущественно о подвигахъ святыхъ. Не «Пѣснь о походѣ Игоря», а повѣсти

— 257 —

о томъ, какъ въ пустынѣ жили Варлаамъ и Іасафъ, какъ въ Новгородѣ изъ Рима на камнѣ приплылъ св. Антоній Римлянинъ, какъ Іоаннъ Новгородскій, заключивъ при помощи креста бѣса въ рукомоиникъ, въ одну ночь съѣздилъ на немъ на поклоненіе Гробу Господню, интересовали русскихъ. Изъ глубины души нашихъ предковъ выливалась восторженная хвала пустынѣ, сердца ихъ горѣли желаніемъ подражать подвигамъ святыхъ мужей. Благочестіе русскихъ вызывало удивленіе у стороннихъ наблюдателей, иностранцевъ. Но, къ сожалѣнію, благочестіе это, при недостаткѣ истиннаго пониманія сущности вѣры, было внѣшнимъ и обрядовымъ. Наши предки говорили, что имъ надлежитъ умирать за одну букву «азъ», если ее захотѣли бы выкинуть на пагубу людей.

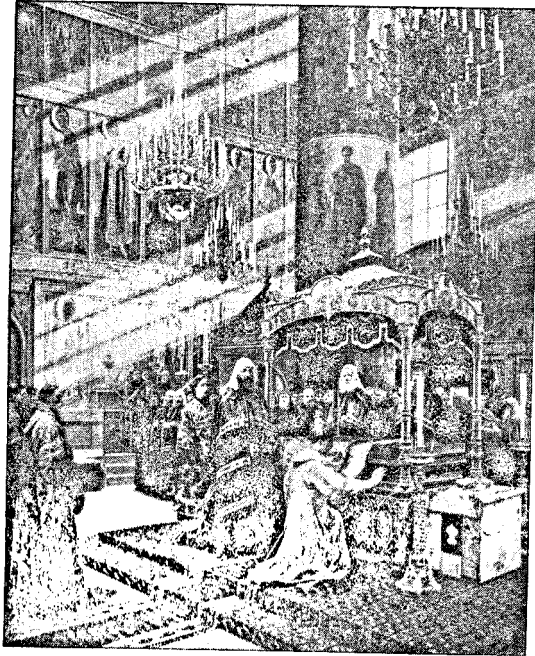
Когда во времена Алексѣя Михайловича патріархъ Никонъ замѣтилъ въ русской Церкви нѣкоторыя неправильности въ обрядахъ и книгахъ и рѣшилъ ихъ исправить, ревнители старой вѣры не хотѣли принять новыхъ книгъ и обрядовъ, объявили, что на Руси воцарился антихристъ, бѣжали въ лѣсныя дебри, пустыни, которыя бывали мѣстомъ подвиговъ и древнихъ святыхъ.

Патріархъ Никонъ. 5 мая 1605 года въ селѣ Вельемановѣ, близъ Пижмыго-Новгорода, въ семьѣ простого крестьянина Миши родился мальчикъ, которому при крещеніи было дано имя Никиты. Этотъ крестьянскій мальчикъ сталъ впоследствии «святѣйшимъ патріархомъ русскимъ Никономъ и собиннымъ (т.-е. особеннымъ) другомъ царя Алексѣя Михайловича». Печально было дѣтство Никиты. Съ раннихъ лѣтъ онъ лишился матери. Отецъ его женился на другой женѣ. Мачеха не взлюбила своего пасынка и больно била его. Она даже думала извести его. Разъ Никита влѣзъ въ печку погрѣться и уснулъ тамъ. Мачеха наложила туда дровъ, подожгла ихъ и сама ушла. Когда пошелъ дымъ и стало душно, Никита проснулся и началъ кричать. Къ счастью, сосѣдка услышала и вытащила его изъ печки. Несмотря на такую суровую обстановку жизни, онъ какъ-то научился грамотѣ. Тогда это было большою рѣдкостью, особенно въ крестьянскомъ быту. Никита усердно читалъ

книги, какія попадались ему подъ руку. Любимыми книгами нашихъ предковъ были книги религіознаго содержанія, въ родѣ повѣсти о Варлаамѣ и Іасафѣ, гдѣ въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ изображалось монашеское житіе. У Никиты подъ вліяніемъ чтенія и суровой жизни въ семьѣ рано обнаружилось влеченіе къ монашеской жизни. Онъ даже убѣждалъ разъ изъ родительскаго дома въ монастырь. Едва отецъ упросилъ его вернуться домой и помогать ему въ хозяйствѣ. Когда же отецъ умеръ, то Никита совѣмъ было рѣшился постричься въ монахи, но родственники уговорили его сдѣлаться священникомъ. Въ тѣ времена сами прихожане выбирали себѣ священниковъ, а архіерей испытывалъ только въ знаніи службы церковной и посвящали. На двадцатомъ году отроду Никита сдѣлался сельскимъ священникомъ близъ своей родины. Его величавая наружность, прекрасное служеніе и умъ заставили обратить на него вниманіе московскихъ купцовъ, ѣздившихъ въ Макарьевскую ярмарку, и они уговорили его перейти въ Москву. Здѣсь во время мороваго повѣтрія у Никиты умерли всѣ дѣти (трое). Тогда онъ уговорилъ жену постричься въ монастырь, и самъ ушелъ на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ, гдѣ постригся подъ именемъ Никона. Недолго пробылъ здѣсь Никонъ. Онъ искалъ болѣе строгаго монашескаго житія и удалился въ Кожеезерскій монастырь. Здѣсь за строгую жизнь Никона выбрали въ игумены. По дѣламъ своей обители Никонъ пріѣзжалъ въ Москву и сдѣлался лично извѣстенъ царю. Алексѣй Михайловичъ полюбилъ его, сдѣлалъ настоятелемъ Новоспасскаго монастыря и приказалъ ему каждую недѣлю пріѣзжать во дворецъ для духовныхъ бесѣдъ. Никонъ ходатайствовалъ передъ царемъ за всѣхъ униженныхъ и обиженныхъ и пріобрѣталъ все болѣе и болѣе вліянія у царя. По желанію царя, Никона посвятили сперва митрополитомъ повгородскимъ, а потомъ и патріархомъ. Отъ патріаршества Никонъ долго отказывался. Но когда царь и весь народъ упали на землю и со слезами начали умолять его, то онъ, обратившись къ народу, спросилъ: «Будете ли почитать меня, какъ архипастыря и отца, дадите ли мнѣ устроить церковь?» Царь и народъ съ клят-

вой отвѣчали, что будутъ и дадутъ. Послѣ того онъ согласился и былъ нареченъ патриархомъ.

Сдѣлавшись патриархомъ, Никонъ началъ устранять недостатки церковной жизни. Ученые кievскіе монахи и пріѣзжіе греки уже давно стали указывать московскимъ людямъ на большіе неурядки въ церкви. Среди многихъ

Царь Алексѣй Михайловичъ и патриархъ Никонъ у гроба св. Филиппа.

Съ карт. Литовченко.

отступленій отмѣчали обычаи: слагать два перста для крестнаго знамени, произносить два раза «аллилуія, служить на семи, а не на пяти просфорахъ, прибавлять въ восьмомъ членѣ символа вѣры слова «истиннаго», хожденіе непременно по солнцу въ различныхъ церковныхъ дѣйствіяхъ, небритіе бороды. Многие изъ этихъ обычаевъ были внесены въ книги, о многихъ составились сказанія (въ томъ смыслѣ, что ихъ необходимо тщательно беречь). Въ

Псковской землѣ ходило сказаніе о томъ, что одному угоднику сама Богородица явилась во снѣ и говорила: великую досаду причиняють Мнѣ произносящіе три раза аллилуію, ибо они не славятъ Троицу, а чтвертятъ. Стоглавый соборъ положилъ проклятiе на тѣхъ, кто не крестится двумя перстами.

Такія отступленія явились не сразу.

Только при Іоаннѣ Грозномъ начали печатать книги. Раньше книги переписывались. Часто ихъ приходилось переписывать людямъ малограмотнымъ; не разберетъ или не пойметъ переписчикъ слова, а спросить не у кого, какъ его прочесть, такъ и напишетъ онъ съ ошибкой. Переходили рукописныя книги изъ рукъ въ руки для переписки, и ошибокъ въ нихъ появлялось все больше и больше. Эти ошибки были не особенно значительны. Ихъ какъ и обряды легко можно бы исправить, если бы народъ понималъ, что не въ однихъ обрядахъ и буквахъ заключается вѣра. Между тѣмъ, какъ разъ напротивъ, большинство было убѣждено, что съ исправленіемъ книгъ и обрядовъ нарушена будетъ самая вѣра.

Народу, не имѣвшему школь, необразованному въ вѣрѣ, только и понятно то, чѣмъ выражается вѣра: поклоны, кресты, посты и т. д. Чѣмъ менѣе понимали и знали наши предки самую вѣру (по свидѣтельству иностранцевъ, изъ 10 едва одинъ зналъ молитву Господню), тѣмъ тщательнѣе берегли они обрядъ. У священниковъ и епископовъ больше всего спрашивали, что надо пить и ѣсть въ тотъ или другой день поста, какіе поклоны творить, очень ли грѣшно до обѣдни постучать яйцомъ о зубы, можно ли служить священнику въ одеждѣ, въ которую вшитъ женскій платокъ. А между тѣмъ русскіе были очень высокаго мнѣнія о своей вѣрѣ. «Всѣ вѣры сошлись въ твое царство», писалъ одинъ книжникъ великому князю московскому. Когда въ Москву съ св. горы Аѳонской прибылъ Максимъ Грекъ въ началѣ XVI в. и началъ исправлять книги, то его русскихъ помощниковъ охватывала «великая дрожь», когда онъ поручалъ имъ зачеркнуть то или иное слово. Наконецъ преподавнаго обвинили въ неуваженіи къ русскимъ святымъ,

которые молились по тѣмъ книгамъ, исправлять которыя хотѣлъ преп. Максимъ. Такимъ образомъ, и до патріарха Никона были попытки исправить книги. Но эти попытки не увѣнчались успѣхомъ. Исправители книгъ были настолько малосвѣдущи, что едва азбуку знали, а «того, навѣрное, не знали, какія буквы въ азбукѣ гласныя и согласныя, а о частяхъ рѣчи, залогахъ, родахъ, числахъ имъ даже и на разумъ не всхаживало». Патр. Никонъ хотѣлъ исправить книги съ основательностью, какой требовало самое дѣло. Изъ Греціи, изъ разныхъ угловъ Россіи, съ Аѳона навезли въ Москву цѣлыя горы рукописей греческихъ и церковно-славянскихъ. По нимъ частью исправили книги, а большею частью перевели вновь. Новыя книги разослали по церквамъ и монастырямъ. Ужаснулись православные русскіе люди, заглянувъ въ эти новоисправленныя книги. Ни двоеперстія ни сугубой аллилуіи. «Гдѣ было церковь, тамъ — храмъ, а гдѣ храмъ, тамъ — церковь, *гдѣ отроцы, тамъ дѣти, а гдѣ дѣти, тамъ — отроцы, вмѣсто креста — древо, вмѣсто пѣвцы — пѣснословцы. Зачѣмъ эти перемѣны?» Ревнителі старины думали, что все это сдѣлано изъ вражды къ доброму-старому. Никонъ будто бы самъ говорилъ греку-сравницку: «Печатай, Арсѣнь, книги какъ-нибудь, лишь бы не постарому».

Прежніе книжныя справники, отстраненные Никономъ, не приняли новыхъ книгъ. Они увлекли за собою многихъ послѣдователей. Явился расколъ, выдвинулись первые вожди раскола.

Но вотъ въ 1658 г. Никонъ покинулъ патріаршество, а потомъ былъ лишенъ патріаршаго сана. Дѣло произошло такимъ образомъ. Патріархъ достигъ небывалой высоты. Онъ окружилъ себя необыкновенною пышностью, любилъ, какъ говорили современники, стоять высоко и ѣздить широко. Какъ своему другу, царь позволилъ Никону именоваться «великимъ государемъ», какъ именовался патріархъ Филаретъ. Посланцевъ патріарха боялись больше, чѣмъ царскихъ. Воиры не любили самовластнаго патріарха и постарались возбудить въ душѣ добраго Алексея Михайловича недовольство противъ «собиннаго друга».

Они достигли своего. Какъ-то разъ во дворцѣ принимали царевича изъ Грузіи, Теймураза. Никона не пригласили на торжество, чего никогда не случалось. Патріархъ послалъ узнать своего боярина, что это значитъ, но окольнічій царскій избилъ патріаршаго посла. Патріархъ, видя, что въ лицѣ его боярина оскорбили его самого, потребовалъ, чтобы царь наказалъ окольнічаго. Алексѣй Михайловичъ обѣщалъ переговорить съ Никономъ, но отъ объясненій все уклонялся. Въ одинъ праздникъ, когда Никонъ торжественно совершалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ и ожидалъ, что царь прибудетъ на богослуженіе, пришелъ отъ царя посланный и сказалъ патріарху: «Государь гнѣвается на тебя за титуль великаго государя».

Окончивъ обѣдню, Никонъ вышелъ на амвонъ говорить поученіе народу. Всѣ были поражены гнѣвною рѣчью святителя: «Лѣнивъ я былъ учить васъ, не стало меня на это. Отъ сего времени я вамъ не патріархъ, и если когда подумаю быть патріархомъ, то буду анаема». Сказавъ это, онъ переодѣлся въ черную монашескую мантию съ чернымъ клобукомъ, написалъ въ ризницѣ письмо царю и въ сопровожденіи огромной толпы вышелъ изъ собора. Народъ плакалъ, не пускалъ его изъ Кремля, даже отняли у него карету, но онъ рѣшенія своего не измѣнилъ, ушелъ на Воскресенское подворье и отсюда уѣхалъ въ Новый Іерусалимъ.

Соборъ изъ русскихъ епископовъ постановилъ избрать другого патріарха, а для суда надъ Никономъ пригласилъ въ Москву восточныхъ патріарховъ. Судъ надъ нимъ состоялся въ 1667 г. въ присутствіи царя, двора, патріарховъ. Никонъ, этотъ нѣкогда всесильный патріархъ, 4 часа сряду стоялъ въ Крестовой палатѣ, гдѣ его судили.

Его осудили за самовольное оставленіе патріаршества и неподобающее отношеніе къ государю, лишили сана и отправили въ заключеніе въ Ферапонтовъ монастырь на Бѣломъ озерѣ. При царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ (въ 1681 г.) онъ былъ прощенъ, возстановленъ въ священномъ санѣ,

возвращенъ въ Новый Іерусалимъ, но на пути скончался и погребенъ въ любимой своей обители.